

ДВА СЕРДЦА БИТЬСЯ ПЕРЕСТАЛИ

Мальчик, школьник вчерашний,
На чужом солнцепеке,
И подумать мне страшно,
Как мы здесь одиноки...

Наум Коржавин.

Поэма причастности

До пяти лет Серезу воспитывала бабушка, Александра Ивановна Барашкова. А потом родители получили квартиру в маленьком рабочем поселке Шиндалово, буквально в считанные годы выросшем почти на самом берегу Красавицы Шексны.

Серезка рос обыкновенным мальчуганом, любил ходить с отцом на рыбалку, бегал в ближний лес за грибами и, пожалуй, ничем особенным не выделялся среди таких же, как он, сверстников-пацанов. Может быть, только сильнее, чем у других, была в нем развита тяга к технике, которая с годами заслонила почти все его ребячьи увлечения, за исключением разве что филателии. Марки были его единственным хобби – он собирал их любовно и азартно, всю свою короткую жизнь, откровенно радуясь каждому новому приобретению.

Он закончил десятилетку, уже имея водительские права автомобилиста и мотоциклиста, и сразу после школы устроился водителем бензовоза в карьер “Кирилловский”. Эта мирная профессия стала для него основной и в армии.

Его биография уместилась всего в нескольких строках на памятном стенде в фойе Алешинской восьмилетней школы. В этих кряях он учился и рос, здесь вступил в пионеры, стал комсомольцем. Теперь все в округе вспоминают его как хорошего ученика, увлеченного общественика, просто славного парня. Алешинские школьники бережно хранят фотографии, где он навечно запечатлен в тесном кругу друзей рядом с учителями в солнечные дни десятой своей выпускной весны – юный, беззаботный, счастливый. А уже через год, в 1983-м, придет его пора принимать присягу, исполнять воинский долг.

Он не выбирал себе судьбу, судьба сама выбрала его. Он стал воином-“афганцем”, как сотни и тысячи сверстников. Из мирной жизни, которую все они, по молодости лет, еще не сумели оценить и полюбить по-настоящему, ребята шагнули в самое пекло невыдуманной, жестокой войны. Вместе с ними шагнул и он, не сразу осознав, что война – это не учения в условиях, максимально приближенных к боевым. Все это страшнее и непонятнее: где друг, где враг? Вот этот, седобородый с молодыми глазами, что только что угощал вкусными орешками, – не прячет ли он под темной безрукавкой особой, чарикарской закалки кинжал с надписью “убей неверного”? Или вот тот худой, быstroногий парнишка, почти ровесник – не он ли ночью встанет в дозор, когда душманы будут закладывать мины на дороге? И тогда – держи колено!

Ясно было только одно: далеко не всем удастся уцелеть и выйти живыми из этого ада.

Встретил свой смертный час на пылающей земле Афганистана и Сергей Егоров, рядовой неполных девятнадцати лет.

Сергей знал, как дома ждут: от него хоть короткой весточки, как беспокоятся, если письма, заблудившись в дороге, задерживаются надолго, и при всяком удобном случае старался улучшить момент, чтобы черкнуть хоть несколько строчек любимой бабуле, матери и отцу, близким друзьям. Письмо родителям от 17 сентября было последним.

“...Через неделю день приказа, будет год, как я в армии. Как там у вас идут дела? Пишите о себе побольше и поподробней. От бабули получил письмо, так она пишет, что погода неважная у вас, дожди идут. Картофель как и уберете. <...> На этом и закончу. До свидания. Ваш сын Сергей”.

Это письмо Нина Александровна и Юрий Иванович Егоровы получили в годовщину Сережиной службы в армии. А 9 октября его не стало.

...Колонна автомашин везла из Союза в Джелалабад керосин для заправки самолетов. Дорога была заминирована итальянскими минами в пластмассовом корпусе. Впереди колонны двигался танк, в котором находились десять парней (все из Ленинграда). Когда танк подорвался, в темноте, в дыму и копоти сначала никто ничего не понял. Автомашину одну за другой сбрасывало с дороги, пока наконец не разобрались, что там, в голове

колонны, и не раздался сигнал “стоп”. А Сергей был в первой...

Весь поселок провожал Сергея в последний путь. Дома, в небольшой квартирке Егоровых, заботливо хранимые, остались только толстые альбомы с марками, которые он так любовно коллекционировал в школьные годы, маленькая шкатулка с десятком-другим дорогих его сердцу мелочей, несколько фотоснимков, один из которых, увеличенный и перетянутый черной лентой, стоит теперь на видном месте. Вот и все, что оставил Сережа на память о себе.

Чуть позже пришло известие, что Сергей Юрьевич Егоров посмертно награжден орденом Красной Звезды. Но об этом уже никогда не узнает его мама, ее больное сердце не выдержало такой утраты, ведь сыночек Сереженька был у нее единственным. В короткий срок истаяв словно свечка, она легла в землю рядом с ним. В вечной скорби над их могилами склонили кроны две белоствольные плакучие березы.

Т. Погодина